

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.008
УДК 94(470)»1917/1927»:374.7(091)
ББК 63.3(2)522-414.13

Д.Ф. КИРЕЕВ,
Г.Н. МОКШИН

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.Д. МАКСИМОВА
В 1917–1927 ГГ.

D.F. KIREEV,
G. N. MOKSHIN

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF E.D. MAXIMOV IN 1917–1927

Евгений Дмитриевич Максимов — один из немногих «старых» русских народников, кому было суждено дожить до 1917 г. и сохранить верность идеалам своей юности. В данной статье освещаются основные вехи его жизни и деятельности на протяжении первого «революционного» десятилетия: от участия в руководстве кооперативным движением в Петрограде-Ленинграде до преподавательской деятельности в высших учебных заведениях бывшей столицы. Устанавливается отношение Максимова к свержению в России самодержавия и приходу к власти большевиков, к противостоянию красных и белых, к путям построения социализма и роли в этом артельных традиций русского народа. В заключение статьи подводятся основные итоги культурно-просветительской деятельности Максимова.

Evgeniy Dmitrievich Maximov is one of the few «old» Russian populists who were destined to live to 1917 and remain faithful to the ideals of his youth. This article highlights the main landmarks of his life and work during the first «revolutionary» decade: from participation in the leadership of the cooperative movement in Petrograd-Leningrad to teaching in higher educational institutions of the former capital. The article establishes Maximov's attitude to the overthrow of the autocracy in Russia and the rise to power of the Bolsheviks, to the confrontation between the Reds and Whites, to the ways of building socialism and the role of the artel traditions of the Russian people in this. In conclusion, the article summarizes the main results of Maximov's cultural and educational activities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Е.Д. Максимов, революция, народники, артель и кооперация, интеллигенция и народ.

KEY WORDS: E.D. Maximov, revolution, populists, artel and cooperation, intelligentsia and people.

ВВЕДЕНИЕ. Данная статья посвящена видному писателю и общественному деятелю народнического направления Евгению Дмитриевичу Максиму (1858-1927). В начале XX века он становится известным на всю Россию идеологом и организатором кооперативного движения, продолжив эту свою работу и после свержения самодержавия в 1917 г. В новейшей отечественной историографии общественная деятельность Максимова неоднократно привлекала внимание и историков кооперации, и народниковедов, и краеведов [3; 5; 20]. Однако последние десять лет жизни всероссийского «артельного старосты» еще не становились предметом специального изучения.

ЦЕЛЬ статьи — реконструкция культурно-просветительской деятельности Е.Д. Максимова после Февральской революции 1917.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Главным источником для изучения общественной биографии Е.Д. Максимова в «свободной» России послужил его дневник за 1917-1927 гг., запечатлевший переживания и размышления старого артельщика по поводу стремительных перемен в жизни народа и в своей собственной судьбе. Эти не предназначавшиеся для публикации тексты, вместе с воспоминаниями современников Максимова, позволяют ответить на глав-

ный вопрос — почему, дожив до ужасов «Великой российской революции», он так и остался народником, т.е. сохранил веру в существование у простого народа высших общественных идеалов и по-прежнему служил их осуществлению.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Последние 10 лет своей жизни Е.Д. Максимов провел в Петрограде (с 1924 года — Ленинграде), занимаясь теорией и практикой кооперативного дела и преподаванием в местных высших учебных заведениях. Здесь, на улице Жуковского, 38 (недалеко от Московского вокзала), он пережил отречение Николая II от престола, приход к власти большевиков, военный коммунизм и новую экономическую политику и много чего еще.

В 1917 г. все еще продолжалась Первая мировая война. И Россия ее проигрывала, теряя людей и территории. «Боюсь, что мы накануне гибели». «Россия потеряла честь, терпя современный режим...», но потеряет все, если не сохранит «присутствие духа» [4, л. 9 об.]. Такую запись сделал Максимов в своем дневнике 5 февраля 1917 г. и не обращался к нему до начала марта, когда, наконец, «свершилось то, что должно было свершиться!» — рухнул старый строй, основанный на «угнетении масс и произволе господствующих групп населения...» [4, л. 9 об.—10].

«Революция 27/II — 3/III, — замечает Максимов 6 марта 1917 г., — смела старое, отжившее, темное, подлое. Нужно спешно строить новое — в этом все спасение! Будет еще много тяжкого, нелепого, дикого: разволновавшаяся стихия не знает правого и виноватого. Но оправдавшаяся вера в народ даст великую надежду на наличность в нем великих творческих сил...» [4, л. 9 об.—10].

После Февральской революции Максимов ненадолго примкнул к народным социалистам, о чем впоследствии пожалел из-за полного разочарования в деятельности этой и других политических партий [4, л. 25 об., 26, 32]. «Бедный, темный русский народ! Они увлекут его беспредельными несбыточными посулами и ожесточат его сердце», — напишет Максимов 2 апреля 1917 г. [4, л. 10] Так оно и получилось. Уже 1 мая он делает следующую запись: «Музыка революции прошла и, по-видимому, безвозвратно. Все громче и громче доносится звериный рев. Анархия разгорается...». И остается лишь верить, что «народ, создавший такой язык, как наш, такую литературу, как русская, народ, давший Достоевского, Некрасова, Толстого — не погибнет в борьбе. Но чего только будет стоить эта последняя?!» [4, л. 10 об.].

«Переустройство социального строя невозможно без длительного духовного подъема, — запишет Максимов 10 августа 1917 г. Революционный же подъем, при современном умственном и нравственном уровне народных масс, не длителен и если подогревается, то преимущественно призывами к насилию и захватам, к проявлению низших животных страстей; для переустройства же требуются самоограничение, жертвы, подчинение личных желаний высшему идеалу. На почве социализма, воспринимаемого только с внешней стороны, а в глубинах своих еще недоступного широким народным слоям, очевидно, нельзя зажечь пламень нового творчества и строительства. Для этого нужен другой источник подъема народного духа — религиозный энтузиазм. Он привычен и понятен народу именно как духовный фактор, а потому несомненен в смысле моральном, определенен с этой стороны и постоянен. И когда всеобщий развал, анархия, разгул низших страстей достигнут высшего своего предела, религиозные искательства сделаются всеобщем явлением...» [4, л. 12 об.—13]. Интересные рассуждения для тогдашнего неонародника, которые Максимов так никогда и не выскажет печатно.

В 1917 г. мнение о том, что после падения монархии в стране не оказалось сил, необходимых для строительства новой жизни, разделялось не только Максимов. Еще в марте в Петрограде возникло просветительское общество «Культура и свобода», члены которого считали, что спасение России в развитии культуры, грамотности, наук, искусств, промышленной техники, потому что если народ не воспринял основных начал культуры, он не может оценить великого значения свободы [21]. Поэтому, когда в середине октября 1917 г. предсе-

датель общества Максим Горький обратился к Максиму с предложением войти в состав их комитета, он тут же согласился [2, л. 1-2].

В середине августа 1917 г. Временное правительство А.Ф. Керенского созвало Московское государственное совещание, призванное обеспечить поддержку власти со стороны общественных организаций. На Максимова оно произвело удручающее впечатление. С одной стороны, это совещание дало «ужасную потрясающую картину надвигающейся гибели не только государства, но и нации», а с другой еще раз подтвердило наличие «человеконенавистнического разъединения и вражды классов и партий». «Впрочем, — замечает мемуарист, — маленький сдвиг в пользу объединения все-таки обозначился. Но, по-видимому, поздно, поздно» [4, л. 13]. А уже 27 августа в дневнике Максимова появилась новая запись (в продолжение данной темы): «Русский генерал Корнилов ведет русские войска против русской столицы. Русское правительство посылает русские войска против русских войск. Что это: ужасный кошмар во сне или действительность?!» [4, л. 13 об.]. А ведь еще 22 августа он был готов «рыдать как ребенок», по поводу того, что отступление русских войск от Риги открыло немцам путь на Петроград, т.к. не мог представить себе ничего более ужасного [4, л. 13].

В октябре 1917 г. Максимов был избран во Временный Совет Российской Республики (Предпарламент), где представлял кооперативную группу [22, с. 388]. Однако эта последняя попытка спасти страну от большевиков, по словам публициста, «оказалась столь же жалкой и ничтожной», как и прежние. «Старая говорильня». «Слова, слова, поток слов — умных рассуждений», за которыми совсем не чувствуется «действительной любви и вытекающей из нее готовности к жертве». «А жертва, — напишет Максимов 15 октября 1917 г., — и прежде всего жертва готовыми узкими доктринами, необходима» [4, л. 13 об.—14].

Следующая заметка в дневнике Максимова датируется уже 1 ноября 1917 г. «И опять (с ²⁵/_X) мы стоим перед чем-то новым, неведомым». «Это, конечно, не бунт, не хулиганское восстание, как думают некоторые. Это новая революция. В центре ее стоит народ; вероятно, заблуждающийся, но народ. И им определяется все отношение к этому новому этапу революции: пусть будет так, как укажет народная воля» [4, л. 14]. Иначе говоря, очередную народную революция Максимов принял! При этом он подчеркивает, что не должно быть никаких человеческих жертвоприношений, «на них не имеет права и народ». «Сердце, лишённое жалости (жалеть — по-русски — любить), не создаст царства всеобщего счастья и любви, не создаст и социализма» [4, л. 14].

И последняя дневниковая запись за 1917 г., сделанная 13 декабря. «Идут пьяные погромы... Как обидно за революцию, как больно! Не того боюсь, что мое старое больное сердце (¹⁷/_{XI}) был первый серьезный сердечный припадок) не вынесет этого ужаса. За русский народ боюсь, за углубление... в нем... низких зоологических инстинктов, темного наследия темных веков, за потерю им духа человечности...» [4, л. 14 об.].

А затем начинается новая, теперь уже гражданская война. Все это время Максимов жил в Петрограде, постоянно задавая себе мучительный вопрос: «что будет дальше?». «И не хочется думать о нем, и все-таки думаешь», — напишет он в дневнике 24 февраля 1918 г. (по новому стилю). «И смертельной тоской наполняет она сердце [эта дума], и чуешь мрак и холод небытия...» [4, л. 15 об.].

Как нетрудно догадаться, в противостоянии белых и красных все симпатии Максимова были на стороне последних. Вот отрывки из его дневниковых записей осени 1919 г. «Большевики все ругают», особенно представители старой интеллигенции. Но чтобы там не говорили противники большевизма, «он понял народную психологию». «Большевизм поднял в массах населения человека, собственное сознание своей (человеческой) силы и своего достоинства. И население, ради этого величайшего сознания, мирится со всеми тяготами, направляя мысль на претворение нового» [4, л. 24 об.]. А чего хотят белые, среди которых есть «и социалисты, и кадеты, и капиталисты, и монархисты»? ««Порядок» — за который они сражаются — только рама, а не картина, т.е. содержания в ней нет..., а то что извест-

но — для масс неприемлемо. И поэтому едва ли белые вообще могут иметь решающий успех в теперешней борьбе» [4, л. 25–25 об.].

После октября 1917 г. основная деятельность Максимова была направлена на развитие в стране кооперативного движения и разработки его новой (идеалистической) идеологии, согласно которой путь к социальному прогрессу был неразрывно связан с духовным возвышением личности.

В 1918 г. Максимов был избран председателем Совета Всероссийского съезда по производству и сбыту кустарных товаров (Кустарь-сбыт) [18, с. 72]. В феврале 1919 г. принял участие в работе I Всероссийского съезда промкооперации. В том же году совместно с Е. Гудковым стал организатором Петроградского Производсоюза — первого на тот момент регионально-кооперативно-ремесленного центра, потом Артельтрудсоюза и многих др. организаций [3, с. 53–54].

В 1916–1919 гг. Максимов редактирует журнал «Трудовое единение», посвященный вопросам кооперации, затем участвует в журнале общественно-кооперативной мысли «Производсоюз», в журнале «Артельное дело», издаваемом Артельтрудсоюзом, а также в «Вестнике промысловой кооперации» — органе Всероссийского Союза промысловой кооперации и мн. др.

Стремясь подвести идеологическую базу под кооперативное движение, Максимов, во-первых, ставит вопрос о необходимости образования особой крестьянской кооперативно-социалистической партии [9, с. 6]; во-вторых, разрабатывает историю артельного движения в России и впервые выясняет преемственную связь кооперации с артелью, а артели с идеалистическим социализмом [8; 10], а в-третьих, обосновывает собственную теорию кооператизма-артельности, наиболее подробно изложенную в сборнике его статей 1919 г. По убеждению Максимова, кооперация, основанная на глубокой вере в человека, прежде всего должна иметь ввиду самоценную человеческую личность, должна культивировать общечеловеческие духовные ценности и воспитывать положительные духовные начала: волю к созидательной работе, к торжеству над злом, к победе над взаимной враждой. Таким образом, по Максиму, кооперация — это совершенно самостоятельная система социального строительства, ведущая русский народ «верным путем к вечным идеалам»: к свободному всестороннему и гармоничному развитию личности и осуществлению высшей социальной справедливости [11]. Неслучайно, хотя современные исследователи и признают историческую ценность учения Максимова о кооперации (как наш оригинальный ответ западному кооператизму), оценивают его как излишне идеалистическое и, безусловно, утопическое [3, с. 55; 19, с. 81, 83–84].

В 1921 г. исполнилось 40 лет литературной деятельности Е.Д. Максимова. Чествование юбиляра в Артельтрудсоюзе началось с доклада самого Евгения Дмитриевича «О кооперативном строительстве». Затем представители кооперации, науки и литературы оценили работу того, кто сорок лет писал «о народе, для народа и во имя народа». В частности, Максимов был назван «одним из творцов и вдохновителей» русского артельного движения, «верным и стойким» его руководителем и, наконец, всероссийским «артельным старостой». По итогам заседания было принято решение повесить в помещении Артельтрудсоюза портрет Максимова, учредить стипендию его имени в Кооперативном институте и просить юбиляра предоставить для напечатания и переиздания его труды [24].

На следующий день, 1 февраля 1921 г. Максимов записал в своем дневнике. «Вчера Артельтрудсоюз праздновал сорокалетие моей литературно-научной деятельности. Было многолюдно, торжественно-празднично, как будто, искренне. В адресах, речах, постановлениях много лестного, приятного. А у меня самого не было радостного сознания, что то, высшее, о чем приходилось писать, стало достоянием не то что многих, но даже сколько-нибудь заметной группы мыслящих людей» [4, л. 34 об.]. А уже в июне того же года Максимов и еще 4 человека выходят из Совета Артельтрудсоюза из-за конфликта с его руководством. «Пока

Б[рянский] и К[оренков] в руководящих ролях общественно-кооперативного ведения дела ожидать нельзя», — напишет он 7 июня 1921 г. «Безумно устал в этой истории, тянущейся почти 1? месяца. Ухожу из нее с подорванными силами» [4, л. 36 об.].

Следующий, 1922 г. приготовил для Максимова новое испытание. В июне этого года он выходит из Совета Производсоюза в знак протеста против исключения из него Е.А. Гудкова, который его создал и «вывел в люди». «Сегодня, — читаем мы дневниковую заметку Максимова за 15 июня, — подал заявление о выходе моем из Совета Производсоюза и об отказе от балластировки на следующий срок. Из кооператоров там остались только Юдин и Мож[ж] евелова. Но и они, говорят, уходят. Конечно, иначе — их уйдут». «Все это, — продолжает Максимов, — расплата за ту ошибку, по которой мы стремились к верхам кооперации. А нужно было начинать с низов, с укрепления кооперативного сознания в артелях. Если бы мы своевременно делали это — не было бы того падения верхов, которое наблюдается теперь. Поздно для моих лет, но нужно начинать снизу, с основ. Я уже не смогу, но Вы, кооператоры, идите в артели» [4, л. 40].

24 сентября 1922 г. Е.Д. Максимов мог бы отпраздновать еще один юбилей — 50-летие своей кооперативной деятельности, если брать за отсчет его работу в Полтавской сапожной артели в 1872 г. «Да, много с тех пор утекло воды», — запишет Максимов в своем дневнике. «И, тем не менее... мне кажется, — что теперешний я, 64-летний старик, ближе к 14-летнему подростку, сердечно привязавшемуся к артели, чем я же, напр[имер], в 30, 40 и даже 50 лет!» [4, л. 44].

К этой дате Максимов подготовил к публикации свои «кооперативные воспоминания» о 1870-х гг. — «Бодрым утром» [7]. А от официального празднования, в свете упомянутых выше событий, уклонился, никому ничего не говорил. Поэтому в прессе появилась только одна «юбилейная» статья — А. Меркулова, в самом конце 1922 г. [16] Но «дорогие питерские приятели» о Максимове не забыли и 1 октября «собрались запросто», видимо, у него на квартире, и поздравили его «без всяких натянутостей, по-приятельски, радушно» [4, л. 44–44 об.].

А 7 июля 1923 г. Максимов сделает еще одну памятную запись. «Наконец-то, дождался и я дня всемирного празднования кооперации. У нас этому дню предшествовало признание «нового принципа организации населения» и «культурной работы». Всем, всем нужно работать для родины, оставить все дрязги и счесть!» [4, л. 49]. Интересно, что накануне празднования Международного дня кооперации Правление Производсоюза ходатайствовало о назначении «Герою труда» Е.Д. Максимова (не путать с аналогичным званием, присуждаемом в СССР!), 50-летие кооперативной деятельности которого минуло в прошедшем 1922 г., персональной пенсии [6, л. 11]. Впрочем, пока безрезультатно.

С начала 1920-х гг. Е.Д. Максимов считался старейшим кооператором СССР и Европы [13, л. 4, 8 а]. Но активная деятельность в области практической кооперации, по понятным причинам, давалась ему с большим трудом. Неслучайно еще в мае 1919 г. Максимов задумывается над тем, чтобы отказаться от работы в руководящих органах промысловой кооперации и остаток жизни посвятить занятиям со студентами и обоснованию «производительной» кооперации [4, л. 23 об.].

Преподавательская деятельность Максимова в высших учебных заведениях столицы началась еще в 1916 г. с чтения лекций на Кооперативных курсах. Весной 1917 г. он был избран профессором Петроградского Кооперативного института, а в 1918 г. становится преподавателем Высшего коммерческого института, позднее преобразованного в Институт народного хозяйства [13, л. 3 об., 36].

6 февраля 1920 г. в дневнике Максимова появилась примечательная запись. «Сегодня Советом Института народного хозяйства я, в числе других, признан профессором института. А раньше утвержден Председателем (Деканом) Коммунального отделения (факультета). Можно было бы писать книгу: «От сельской школы до профессорской кафедры». Несколько лет тому назад это было бы лестно. Теперь же я вышел уже из того возраста, когда лестное

радует. Теперь радуется уже только то, что, значит, я еще могу работать и для себя и для других» [4, л. 29 об.].

Одновременно Максимов читал лекции на кооперативных курсах Российской лиги равноправия женщин, на Продовольственных курсах, на Мясных курсах, на Высших торгово-промышленных курсах и др. [23, с. 454].

Современники отмечают, что студенты любили Е. Д. Максимова и его лекции собирали большие аудитории [25, с. 71]. И он всегда отвечал им взаимностью, немало сделав для развития самоорганизации студенческой молодежи.

Почти все преподаваемые Максимовым предметы были связаны с историей и идеологией кооперации. Об этом говорят названия курсов: 1) «Общее учение о кооперации», 2) «Экономика кустарной промышленности», 3) «История земской деятельности по кустарной промышленности и кооперации», 4) «Теория и история промысловой кооперации», а также 5) «Организация и практика промысловой кооперации» [13, л. 3 об.]. Отдельными изданиями вышло: «Историческое развитие идей артельного движения: Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте» (1917, 1919).

В начале мая 1921 г. Максимов прочел инструкторам и служащим Артeltрудсоюза три лекции о месте кооперации в процесс реформирования страны и записал в своем дневнике: «Это камни нового курса — Идеологии кооперации». И тут же добавил. «Но когда вспомнишь, что писать приходится для архива, — опускаются руки» [4, л. 35]. К сожалению, дальнейшие публикации статьи в «Производсоюзе» (с примечанием редактора — «в дискуссионном порядке») дело действительно не пошло [12].

С середины мая 1924 г. Максимов начал работы по научной организации труда, чтобы Америка и Европа не забили «нас, живущих по старинке». «Лично я рад НОТу, — пишет Максимов, потому что он ставит меня ближе к жизни, а вместе с тем дает импульс к рационализации личной жизни». «Нелепо рационализировать учреждения, предприятия и проч., не рационализируя себя. А вместе с тем если нельзя скоро улучшить — возвысить и очистить социальную среду, то нужно возвысить и очистить себя и свою жизнь» [4, л. 64 об.]. Итоговый труд Максимова на тему НОТ увидит свет в 1925 г. [14]

В последние годы своей жизни Е. Д. Максимов много болел и с трудом справлялся с домашним хозяйством (его жена умерла при рождении младшего сына Дмитрия в 1904 г.). Вот отрывок из одного частного письма писателя от 24 марта 1923 г. «Дело в том, что я живу истинно «бесхозно», т. е. «я и хозяйка, и кухарка, и горничная, но и служащий, зарабатывающий средства к жизни. Митя слабый помощник мне, потому что переобременен занятиями...». В итоге на «писательскую работу» не оставалось ни времени, ни сил. «Мои лекции кончаются в 9 ч. веч[ера] и после них я даже пасьянс внимательно не могу разложить. С июля прошлого года я уже ничего не пишу, даже читаю мало». «Бывают моменты, когда волком выть хочется, иногда плачу, как мальчик и даже мысль об «окончании живота» настойчиво навязывается. И нет выхода из этого кошмарного состояния» [4, л. 70 об, 71 об.]. В итоге Максиму пришлось, говоря его же словами, «пойти на преступление». В 65 лет жениться на женщине, младше его на 33 года (конечно, по ее инициативе и при «взаимной симпатии») [4, л. 71 об.].

4 июля 2025 г. в дневнике Максимова появилась ободряющая запись. «После 5?-летнего перерыва в издании моих книг вышла в свет моя брошюра «О методике организации кооперативов». Это, кажется, 30-ая моя книжка. Много уже напечатано (хотя и немало среди напечатанного плодов «незрелой любви»), многое подготовлено к печати и много еще нужно было бы напечатать. Но в моем возрасте даже о подытоживании всего, что нужно было бы подытожить, не приходится мечтать» [4, л. 57 об.—58].

С августа 1926 г. Е. Д. Максимов стал получать персональную пенсию от Народного комиссариата просвещения — 75 руб., но в своем дневнике продолжал жаловаться на тяжелое материальное положение [4, л. 62 об.]. Дело в том, что с осени 1926 г. из-за обострения своих

застарелых болезней он почти перестал работать и по несколько месяцев сряду проводил в больнице. А ходатайство ректората Института народного хозяйства о повышении пенсии до 100 руб. (с учетом срока службы в 48 лет, в том числе свыше 18 лет по народному просвещению) было отклонено по причине ее недавнего назначения [13, л. 9, 19, 21].

Незадолго до смерти Максимов задумался о том, как будет выглядеть его последние пристанище и набросал на листе, потом вклеенном в его дневник, следующее пожелание: «На моей могиле лучше всего положить плиту (попроще) с надписью:

Евгений Дмитриевич

Максимов-Слобожанин

Род. ³¹/₁ 1858 г. † / 1927» [4, л. 65 об.].

Скромно, без красивых эпитафий, что и было исполнено как его последняя воля.

Е. Д. Максимов скончался 25 сентября в пятом часу утра, в больнице им. Свердлова. Похороны состоялись 27 сентября. По свидетельству П. Голикова, проводить покойного к месту вечного упокоения собрались представители самых разнообразных слоев населения Ленинграда. Особенно много было кооперативных работников и рабочих-членов производственных артелей Ленинградского Производсоюза. От больницы печальный кортеж под звуки похоронного марша проследовал мимо фабрики артели «Юпитер» к дому Максимова, где помещался в свое время комитет по делам ссудо-сберегательных товариществ и редакция журнала «Артельное дело», а затем направился на Волковское кладбище. По пути к нему присоединился отряд молодежи с красным знаменем от кустарного техникума [1].

На «литературных мостках» (сейчас они называются «литераторскими»), недалеко от захоронений Г. В. Плеханова и кооператора М. Л. Хейсина, перед еще раскрытой могилой «нового жильца этого... знаменитого... дома» был произнесен ряд речей. От лица кооператоров говорили: Е. А. Гудков (основатель Ленинградского Производсоюза), Н. Г. Прокофьев (член правления Производсоюза), И. А. Кореньков (член правления Всекопромсоюза); от профессуры: т. Поволоцкий (от института народного хозяйства), т. Марголис (от высших торгово-промышленных курсов) и т. Березов (от кустарного техникума). Последним выступил кооперативный деятель А. Т. Жингарев [1].

В октябре 1927 г. журнал «Вестник промысловой кооперации» опубликовал посмертные статьи о Е. Д. Максимове уже упомянутого П. Голикова, а также А. Меркулова, В. Перелешина и А. Штанге, которые не только почтили добрым словом своего товарища-кооператора, но и указали на необходимость приведения в порядок его огромного наследия и издания ненапечатанных при жизни трудов, включая лекции для студентов [1; 15; 18; 25]. По словам Штанге, это стало бы «лучшим венком на могилу и для увековечения дорогой памяти Евгения Дмитриевича Максимова-Слобожанина» и, кроме того, пошло бы на пользу артельному движению, «нуждающемуся в широком распространении основ его социалистического значения» [25, с. 71].

И еще 14 февраля 1928 г. Е. Д. Максиму и другому известному кооператору — Е. П. Петрову, почившему в том же 1927 г., было посвящено заседание кустарно-промысловой секции Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики и политики (в Москве). Докладчиками о Е. Д. Максимове выступали В. А. Перелешин, Н. Г. Брянский и И. З. Сапожников. Председательствующий на заседании секции видный советский экономист А. А. Рыбников, подводя итоги ее работы, также призвал членов секции к «изучению литературного наследия обоих работников промыслово-кооперативного движения» и оказанию возможного содействия публикации еще неизданных их трудов [17]. Однако по независящим от ученых причинам серьезное изучение и популяризация интеллектуального наследия Максимова начнется лишь на излете советской эпохи.

ВЫВОДЫ. В марте 1918 г. Е. Д. Максимов подарил младшему сыну книгу своих воспоминаний «На культурной работе», сделав на ней такую надпись: «Если эта скромная повесть мыслей и слабого служения моего народу тронет твое сердце, мой бесценный мальчик, знай, несмотря

на всю великую неблагодарность его к нам, что вся духовность наша, прежде всего, от него, ибо все мы дети своего народа, все мыслим и говорим на его языке, все полны одинаковыми с ним образами и впечатлениями. Его крест стал нашим крестом. Нам нужно не упрекать его за сказавшуюся от темноты его неблагодарность, а идти вместе с ним к тому, чтобы не было больше ни его, ни наших крестных страданий. Наш общий путь — в возвышении Духа, к которому, прежде всего, ведет культура Любви — этой основы Жизни, Разума и Воли» [4, л. 16 об.].

Если это и есть квинтэссенция жизни и общественной деятельности Максимова, то перед нами, несомненно, выдающийся в своем роде гуманист, идеалист и демократ. Но даже в этих высокопарных рассуждениях угадывается и другой Максимов — типичный русский интеллигент, посвятивший всю свою жизнь служению интересам простого народа, но так оставшийся для него «отрезанным ломтем».

ЛИТЕРАТУРА

1. Голиков П. Похороны Е.Д. Максимова // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 75.
2. Горький М. Официальное письмо к Е.Д. Максиму. 1917 // ОР РН Б. Ф. 1029. Оп. 877. Д. 122. 2 л.
3. Давыдов А.Ю. Е.Д. Максимов-Слобожанин — теоретик и организатор кооперативного дела в России // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 46–59.
4. Дневник Е.Д. Максимова. 1912–1927 // ОР РН Б. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 56. 73 л.
5. Киреев Д.Ф., Мокшин Г.Н. Е.Д. Максимов и легальные народники 1890-х гг. // Вестник Сургутского гос. пед. университета. 2024. № 3. С. 26–33.
6. Переписка с Всероссийским союзом промысловой кооперации «Всекопромсоюз». 1923–1925 // ЛОГА В. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 31. 38 л.
7. Максимов Е. Бодрым утром. (Отрывки из 50-летних воспоминаний кооператора) // Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 36–43.
8. Максимов Е.Д. Содержание и природа артельного движения. Пг.: Тип. журн. «Спорт и фавориты», 1918. 40 с.
9. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. К вопросу о кооперативно-социалистической программе. Пг.: Тип. журн. «Спорт и фавориты», 1918. 30 с.
10. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Народопрямство и трудовое начало в исторических формах бытовых артелей. Пг.: Тип. Г.А. Берштейна, 1917. 45 с.
11. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг.: Тип. ПСРПО, 1919. 78 с.
12. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Опыт обоснования кооператизма в общем миропонимании // Производсоюз. 1921. № 16–19. С. 12–19.
13. Максимов Евгений Дмитриевич // ЦГА СПб. Ф. Р-2998. Оп. 1. Д. 557. 36 л.
14. Максимов-Слобожанин Е. Общее содержание системы научной организации труда. Л.: Наука и школа, 1925. 72 с.
15. Меркулов А. Бодрая жизнь (Памяти Е.Д. Максимова) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 72–75.
16. Меркулов А. Редкий юбилей (50-летие общественно-кооперативной деятельности Е.Д. Максимова) // Бюллетень Сельскосоюза. 1922. № 24. С. 11–13
17. Памяти Е.П. Петрова и Е.Д. Максимова // Вестник промысловой кооперации. 1928. № 5 (58). Май. С. 96–97.
18. Перелешин В. Жизненный путь Е.Д. Максимова (Слобожанина) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 71–72.
19. Прищеп Е.Н. Идеи кооперативизма-артельности в трудах Е.Д. Максимова // Путь модернизации России: партнерство государства, бизнеса и кооперации: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Ч. 2. М. [Б/и], 2011. С. 81–84.
20. Прокопенко З.Т. Е.Д. Максимов-Слобожанин и В.Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 268 с.

21. Просветительное общество в память 27 февраля 1917 года «Культура и свобода»: листовка. Петроград, 1917. Март.
22. Райхцаум А.Л. Список членов и кандидатов в члены Временного совета Российской республики (Предпарламента) // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: БРЭ, 1993. С. 386–389.
23. Телицын В.Л., Геронин А.Э., Леонтьев Я.В. Максимов Евгений Дмитриевич // Отечественная история. Энциклопедия. Т. II I. М.: БРЭ, 2000. С. 453–454.
24. Чествование Е.Д. Максимова в Артельтрудсоюзе // Артельное дело. 1921. № 1–4. С. 52.
25. Штанге Ал. Памяти Евгения Дмитриевича // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 70–71.

REFERENCES

1. Golikov P. *Pokhorony E.D. Maksimova* [Funeral of E.D. Maximov] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 75. (In Russian).
2. Gor'kiy M. *Ofitsial'noe pis'mo k E.D. Maksimovu. 1917* [An official letter to E.D. Maximov. 1917] // OR RN B. F. 1029. Op. 877. D. 122. 2 l. (In Russian).
3. Davydov A.Yu. *E. D. Maksimov-Slobozhanin — teoretik i organizator kooperativnogo dela v Rossii* [E.D. Maximov-Slobozhanin — theorist and organizer of cooperative business in Russia] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2017. № 3. S. 46–59. (In Russian).
4. *Dnevnik E.D. Maksimova. 1912–1927* [The diary of E.D. Maximov. 1912–1927] // OR RN B. F. 1136. Op. 1. D. 56. 73 l. (In Russian).
5. Kireev D.F., Mokshin G.N. *E.D. Maksimov i legal'nye narodniki 1890-kh gg.* [E.D. Maximov and the legal populists of the 1890s] // Vestnik Surgutskogo gos. ped. universiteta. 2024. № 3. S. 26–33. (In Russian).
6. *Perepiska s Vserossijskim sojuzom promyslovoy kooperatsii «Vsekopromsojuz». 1923–1925* [Correspondence with the All-Russian Union of industrial Cooperation «Vsekopromsoyuz». 1923–1925] // LOGA V. F. 2578. Op. 2. D. 31. 38 l. (In Russian).
7. Maksimov E. *Bodrym utrom. (Otryvki iz 50-letnih vospominanij kooperatora)* [Good morning. (Excerpts from the cooperator's 50-year-old memoirs)] // Proizvodsojuz. 1922. № 1–4. S. 36–43. (In Russian).
8. Maksimov E.D. *Soderzhanie i priroda artel'nogo dvizhenija.* [The content and nature of the artel movement]. Pg.: Tip. zhurn. «Sport i fa-vority», 1918. 40 s. (In Russian).
9. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *K voprosu o kooperativno-socialisticheskoy programme* [On the question of the cooperative socialist program]. Pg.: Tip. zhurn. «Sport i favority», 1918. 30 s. (In Russian).
10. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Narodopravstvo i trudovoe nachalo v istoricheskikh formakh bytovykh arteley* [Populism and the labor principle in the historical forms of household artels]. Pg.: Tip. G.A. Bershteyna, 1917. 45 s. (In Russian).
11. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Novye postroeniya v ideologii i teorii kooperativizma-artel'nosti. Stat'i* [New constructions in the ideology and theory of cooperativism-artfulness. Articles]. Pg.: Tip. PSRPO, 1919. 78 s. (In Russian).
12. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Opyt obosnovaniya kooperativizma v obshchem miroponimanii* [The experience of substantiating cooperativism in the general worldview] // Proizvodsoyuz. 1921. № 16–19. S. 12–19. (In Russian).
13. *Maksimov Evgeniy Dmitrievich* [Maximov Evgeny Dmitrievich] // TsGA SPb. F. R-2998. Op. 1. D. 557. 36 l. (In Russian).
14. Maksimov-Slobozhanin E. *Obshchee sodержание sistemy nauchnoy organizatsii truda* [The general content of the scientific labor organization system]. L.: Nauka i shkola, 1925. 72 s. (In Russian).
15. Merkulov A. *Bodraya zhizn' (Pamyati E.D. Maksimova)* [A Cheerful Life (In Memory of E.D. Maximov)] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 72–75. (In Russian).
16. Merkulov A. *Redkiy yubiley (50-letie obshchestvenno-kooperativnoy deyatel'nosti E.D. Maksimova)* [A rare anniversary (the 50th anniversary of the social and cooperative activity of E.D. Maximov)] // Byulleten' Sel'skosoyuza. 1922. № 24. S. 11–13. (In Russian).

17. Pamyati E.P. *Petrova i E.D. Maksimova* [Sacred to the memory of E.P. Petrov and E.D. Maximov] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1928. № 5 (58). May. S. 96–97. (In Russian).
18. Pereleshin V. *Zhiznennyy put' E.D. Maksimova (Slobozhanina)* [The life's journey of E.D. Maximov (Slobozhanin)] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 71–72. (In Russian).
19. Prishchep E.N. *Idei kooperativizma-artel'nosti v trudakh E.D. Maksimova* [The ideas of cooperativism and artfulness in the works of E.D. Maximov] // Put' modernizatsii Rossii: partnerstvo gosudarstva, biznesa i kooperatsii: mat-ly mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Ch. 2. M. [B/i], 2011. S. 81–84. (In Russian).
20. Prokopenko Z.T. *E.D. Maksimov-Slobozhanin i V.E. Evgen'ev-Maksimov: Iz istorii rossiyskoy nauki* [E.D. Maximov-Slobozhanin and V.E. Evgeniev-Maximov: From the History of Russian Science]. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2002. 268 s. (In Russian).
21. *Prosvetitel'noe obshchestvo v pamyat' 27 fevralya 1917 goda «Kul'tura i svoboda»: listovka* [Educational Society in memory of February 27, 1917 «Culture and Freedom»: leaflet]. Petrograd, 1917. Mart. (In Russian).
22. Raykhtsaum A. L. *Spisok chlenov i kandidatov v chleny Vremennogo soveta Rossiyskoy res-publiki (Predparlamenta)* [List of members and candidates for members of the Provisional Council of the Russian Republic (Pre-Parliament)] // Politicheskie deyateli Rossii 1917: Biograficheskiy slovar'. M.: BRE, 1993. S. 386–389. (In Russian).
23. Telitsyn V.L., Geronin A.E., Leont'ev Ya.V. *Maksimov Evgeniy Dmitrievich* [Maximov Evgeny Dmitrievich] // Otechestvennaya istoriya. Entsiklopediya. T. II I. M.: BRE, 2000. S. 453–454. (In Russian).
24. *Chestvovanie E.D. Maksimova v Artel'trudsoyuze* [Honoring E.D. Maximov at the Arteltrud Union] // Artel'noe delo. 1921. № 1–4. S. 52. (In Russian).
25. Shtange A.I. *Pamyati Evgeniya Dmitrievicha* [Sacred to the memory of Evgeny Dmitrievich] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 70–71. (In Russian).